

Дэниэл Кахелин

СБОРНИК РАССКАЗОВ

НЕСВЯЗНЫЕ НИТИ

ИДДК

Дэниэл Кахелин

Несвязные нити

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56597836

Аннотация

Тексты этого сборника – отдельные нити, вплетенные в полотна иных миров. Каждый рассказывает свою историю, приоткрывая завесу в неизведанное. Полагаю, вам понадобится проводник. Какова цена? – спросите вы. Не беспокойтесь. Платой будет время.

Содержание

Предисловие	4
Времена	6
Словесник	24
Вломиться в дом	31
Хроника зла	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дэниэл Кахелин

Несвязные нити

Сборник рассказов

Предисловие

Проектуриал (*образовано от проекция, существо проецируемое*) – позабытое слово, утраченное в процессе естественного хода вещей и исчезновения магии из мира. Подобным термином можно назвать «избранных», но избранных в понимании не самостоятельном, а подневольном.

Жизнь проектуриала (если это возможно назвать жизнью) печальна и коротка. Лишенные дара демиурга, они принимают на себя венец творца, даже не подозревая об этом. Их сила велика, а отведенное им время ограничено. У проектуриалов существует конкретный «срок годности» – после исполнения предназначения их избранность лопаается, как мыльный пузырь.

Проектуриалов нельзя назвать богами среди нас. Люди и боги свободны, проектуриалы же по факту рождения скованны, лишены выбора и являются лишь орудием, инструментом для достижения цели. Зато их без тени иронии можно назвать стражами идеи, сосудами смысла. Идеи зыбки и

эфемерны, а проектуриалы материальны. О них удобно сочинять истории, потому как они сами являются воплощением легенды. Их существование нельзя подтвердить, однако на ход событий они влияют неизгладимо. (Псевдо-научная статья из архива)

Времена

1. Зима

– Куда едем? – небрежно поинтересовался он.

Так обыденно слышать эту фразу, но что-то меня насторожило. Я всмотрелся в лицо таксиста: коротко стриженный, с глубоко посаженными хитрыми глазками. Такие часто видишь у торгашей на рынке. Торгуют в основном всяким хламом, но можно найти нечто ценное, когда знаешь, что искать. Забавная деталь – на таксисте была черная кепка – вроде ничего особенного, а цепляет.

– Так куда едем? – уточнил он.

«Ну и тон, – подумал я. – Укоризненный. Не просто спрашивает, а с давлением».

– Знакомы? – внезапно спросил я.

«А почему бы и нет?» – странное ощущение, что я знаю этого типа, не покидало меня.

– Не, – лениво ответил таксист, – просто едем в одной тачке. – Куда – не знаю, просто едем.

– Давай тогда, куда глаза глядят, – усмехнулся я.

– Да куда они глядят, – рассмеялся таксист, – стекла-то тонированные!

– Ну, – задумался я, – тогда никуда. Конечная, приехали. Подумал и проснулся.

Проснулся. Думал, ещё в машине проснулся, но сон многослойный оказался, запутанный. Сейчас не возникало сомнений, что выкинуло именно в реальность – суровую и неприглядную. Моя квартира на окраине, серое марево за окном, и час до работы, если будильник в очередной раз не солгал. Я медленно направился на кухню. «Конечная, – повторял я, – приехали». В холодильнике отыскался бутерброд, о котором я забыл. Был он вчерашний или приготовленный неделю назад, не знаю, проверять не стал. Выкинул и забыл. А вот про сон не забыл. Прицепилась ко мне эта фраза: «Конечная, приехали, поезд дальше не идёт». Так ведь в метро говорят: гаснет свет, все выходят, а дальше что? Действительно конечная? Нет, соврали, поезд дальше идет. А такси?

Заварил кашу. Наспех позавтракал. Всегда казалось, что это самое бессмысленное время. Действительность и пословицы разнятся. Обед нужно есть самому, а завтраки и ужины можно если не отдать врагу, то просто отдать. Умылся. Ночные мороки отошли на второй план. Присмотрелся – кран подтекает, надо бы починить. Заметил, что времени совсем нет. Ну, нет так нет, – значит, опять забуду. Задержусь на работе допоздна – забуду. «Кран подтекает», – снова заметил я. Забыть не получится.

Оделся. Гардероб мой разнообразием не отличался ни-

когда. Сколько себя помню, всегда любил практичность в ущерб моде. Джинсы, толстовка, иногда рубашка – вечно мятая, но всегда безукоризненно белая. Зимой прибавлялась куртка – полезный довесок. Шапка по настроению. Носил бы пальто, да жаль шарфа нет. Я внимательно всмотрелся в зеркало. «Пуховик – он куда лучше, по крайней мере теплее», – думал я. Куртка сидела нелепо, цвет блеклый и скучный. «То, что нужно», – ободряюще улыбнулся я. Кроссовки – обувь на все времена. Торопливо завязал шнурки. Они путались, изображая то ли петлю, то ли бант.

Щелкнул замок. Небрежно звякнув, ключи летят в карман куртки. Быстро спускаюсь по лестнице – лифт не работает. Неделя уже. Ремонтника уволили. Гадать о его судьбе нет времени. Часы беспощадно пунктуальны. Толкаю дверь, в лицо ударяет холодный воздух. Недовольно морщась, приглаживаю спутанные волосы, бегу со всех ног.

Вокруг бушует снежная канитель, мороз кусает лицо, словно рой надоедливых насекомых. Белый туман прорывают прожектора автомобилей, шипованные колеса раскидывают грязь. Смотрю на красный луч светофора. От долгого бега болит горло, на губах соль. «Это с непривычки, – утешаю себя я, – это не старость». Проскользив пару метров, вдруг понимаю, что ботинки не по сезону. Дверь метрополитена едва не ударяет меня по лбу. Интеллигентного вида старик извиняется, даже не обернувшись. Спускаюсь в ад, опасливо глядя на скользкие мраморные ступени.

Провести выходные в офисе, действительно, ад. Почему так? Других дурачков не нашлось.

— Людей нет, — улыбаясь, заявил шеф. — Вся надежда на тебя, Семен. — Я задумался, разглядывая его цветастый, наспех завязанный галстук. Слова долетали словно через стекло аквариума. — Вот и ладненько, — кивнул он. — Завтра в офис. — Шеф развернулся, скрипнув лакированными туфлями, накинул пиджак на плечо. — Хороший ты человек, Семен, — бросил он и скрылся за дверью.

«Хороший я человек», — горько усмехнулся я. Вглядываясь в тонированное стекло дверей, я зеркальным образом видел всё. Поезд свистел, продвигаясь вдоль мрачных стен метро. Я обернулся на открытую форточку, холодный поток воздуха пробивался в вагон. Мужик, погруженный в газету, пожегил. Закрыв окно и вернулся к чтению. Вагон был наполовину пуст, — это я говорил как оптимист. На самом деле, кроме нас больше никого не было. «Меньше народа — больше кислорода», — думал я, разглядывая попутчика. «Солидный, — размышлял я. Читающий газету нахмурился, почесал затылок. — Одет в дорогой костюм, одеколон чувствовался бы, уйди я даже в другой вагон. Наверняка, большой начальник: по утрам ходит в спортзал, не курит, как и положено мудрому человеку, осведомлен о происходящем в мире исключительно через газеты, вечерами пьет дорогое вино и посещает театр. Вот только, где он забыл дорогой автомобиль, и куда едет в такую рань?» Цепочка нелепых мыслей оборва-

лась.

– Черт те что, – бросил попутчик, откладывая газету.

Поправив галстук, он не спеша вышел из поезда. Я остановился на мысли, что нагло завидую.

– Хотел бы и я так, – почти вслух сказал я. – Хочу!

Я глядел ему вслед до тех пор, пока двери с грохотом не захлопнулись. Занял освободившееся место, взял оставленную газету, пробежался по новостным строкам. Закрыв глаза. Мигающая белая лампа поезда начинала меня раздражать. Тусклый свет вспыхивал и мгновенно гас.

– Починили бы, – буркнул я.

– Некому чинить, – раздался голос.

Я огляделся. В конце вагона расположился бомжеватого вида человек. Странно, я не заметил, как он оказался в поезде.

– Я через двери вошел, – пояснил незнакомец и плюхнулся на сиденье.

– Ясно, – зачем-то ответил я.

Человек прищурился, глядя на лампу. Я внимательно разглядывал его. На секунду мне показалось, что я его знаю. Помятый серый пиджак, порванный у рукава, широкие брюки словно у танцора хип-хопа. Белые носки удивительно хорошо сочетались с коричневыми мокасами. Я присмотрелся к его лицу, было в нем что-то отталкивающее: то ли водянистые глаза с абсолютно пустым и стеклянным взглядом, то ли болезненная бледность. Он почесал заостренный нос, снял с

коротко стриженной головы черную кепку и вдруг спросил:
– Куда едем?

– На работу, – машинально ответил я.

Глупая привычка отвечать на неожиданно заданные вопросы.

– И я, – ухмыльнулся собеседник, втягивая меня в диалог.

Он вновь прищурился, глядя на бледный свет лампы. Я отложил газету, отвернувшись от странного типа, посмотрел на мигающие диоды под грязным стеклом.

– Чего бы ты хотел? – нарушил молчание он.

– То есть? – растерянно переспросил я.

Ритмичное мерцание лампы перестало раздражать, начало клонить в сон.

Тип вздохнул.

– Опять двадцать пять, – он обреченно покачал головой, отряхнул пиджак. – Твое желание, мечта или может какая просьба? – монотонно проговорил он.

На мгновение я задумался, пытаюсь осознать услышанное. Незнакомец в ожидании замер, приподняв одну бровь.

– Нет, ничего не нужно, – замахал я руками.

Я начинал догадываться, что передо мной сумасшедший, может быть, алкоголик. Выходные на дворе, хороший повод сойти с ума или выпить. Тип как-то сразу сник, задумался.

– Нет, погоди-ка, – произнес он, поднимаясь. Быстрым шагом направился в мою сторону.

«Сейчас он начнет просить денег или предлагать купить

какую-то чушь», — понял я.

— Ничего не нужно, — повторил я, вставая и пятясь к дверям.

— Нет, постой, господин хороший, — оживился тип. Он опустил руку мне на плечо, пристально посмотрел мне в глаза. Хитрый это был взгляд, так смотрит делец, готовящийся повернуть сделку. — Ты меня зачем звал? — резко спросил он. — Зачем, по-твоему, я здесь? — распалялся чужак.

— Я звал? — переспросил я, отступая на шаг.

Тип убрал руку, откашлялся.

— Точно, — серьезно ответил он, — ты.

Я в непонимании смотрел на него, изредка косясь на тонированное стекло. Поезд ехал мучительно долго. По привычке я взглянул на часы. Незнакомец нетерпеливо постучал по стеклу.

— Вот, что ты сказал? Что, а? — продолжил он.

— Не помню, — честно признался я.

Начинало казаться, что я зря надеюсь услышать спасительное название станции и покинуть проклятый вагон.

— А я помню, — с вызовом бросил тип. — Ты сказал «хочу». Помнишь? — Он ткнул меня в грудь, заставив отпрянуть. — Цитирую, — торжественно произнес незнакомец, — «хотел бы и я так». А потом ты добавил «хочу», — его взгляд сделался хищным. — Так чего же ты хочешь?

Он смолк, вопросительно уставившись на меня. Поезд замедлял свой ход. Я глядел в стекло, пытаюсь вникнуть в

происходящее. Тычок в грудь оказался болезненным, стало трудно дышать. Поезд остановился, его шипение заглушил голос, доносящийся из динамика: «Конечная, поезд дальше не идет». Тип усмехнулся.

– Просьба выйти из вагонов, – прошептал я.

– Пошли, – прищурился незнакомец, – обсудим насущные вопросы.

Из кармана пиджака он вытащил солнцезащитные очки и вышел. Я обернулся, сломанная лампа продолжала мерцать. «Приехали», – подумал я, вспоминая сон. Подумал, но не проснулся.

2. Лето

Выходя из поезда, я думал, что ступаю на мраморный пол метрополитена. Вместо этого под ногами ощутил пустоту. Казалось, что падаю в пропасть, и я невольно зажмурился. Когда решился открыть глаза, оказалось, что уверенно стою на асфальте набережной. Вечерело. Ясное небо зажигало звезды. Они причудливо мерцали точно драгоценные камни в свете луны. Я прислушался, вдалеке задорно играла музыка. Это был джаз. Теплый воздух не казался душным, напротив. Я глубоко вдохнул, ощущая летнюю свежесть, но тут же закашлялся. Примешался неприятный запах табака.

Странный тип неподалеку докуривал сигарету. Он бросил окурки на землю, примял носком ботинка. В солнцезащит-

ных очках в круглой оправе он походил на слепого.

– Кто ты такой? – хрипло спросил я.

– Тот, кто тебе нужен, Семен, – ответил он. – Можешь звать меня Шофер, – тип задумался, – это что-то вроде прозвища.

Я кивнул. Меня не удивило, что он знает мое имя, как не удивило и то, что сменилась погода. На смену холодной выюге пришел ветер, пропитанный морской солью. Шофер уже исполнил желание. Оставалось лишь узнать цену. Известно, что ничего не бывает даром. Я огляделся. Незнакомая набережная, шум прибоя, белый пляж, на нем – оставляемые мной следы. Осмотрел свою одежду: достаточно летняя, в легкие сандалии забивается холодный песок. Слышу смех людей, отголоски чужих разговоров, ловкую игру музыкантов. Теперь, когда тип перестал курить, мой нос уловил запах выпечки и лимонада. Опустившись на песок, я коснулся колючих крупиц. Песчаные струи проходили сквозь пальцы, утекали, исчезая бесследно.

– Время, – раздался голос за моей спиной. – Ценой будет время. – Шофер вздохнул. – Каждое желание приближает конец. Когда упадет последняя песчинка, – продолжил он после небольшой паузы, – когда ничего не останется, тогда все и закончится.

Я кивнул. Меня устраивал такой расклад. К чему мне бесконечно тянущееся время, когда я горбачусь на нелюбимой работе? К чему здоровье, которое я прожигаю, вдыхая ед-

кие выхлопы реальности? Я поднялся, отряхнулся от песка. Нужна ли мне жизнь, прожить которую я не успею? Зачем мне небо, если я не поднимаю головы от земли? Я посмотрел вверх впервые за долгое время. Стоял, запрокинув голову, пока не затекла шея. Звезды по-прежнему горели. Они не исчезнут, покуда не наступит утро. Лучи солнца беспощадно выжгут их, но ночь зажжет вновь. Я понял, что не хочу знать время. Идя вдоль побережья, бросил часы в соленую воду. Цепкие волны утащили их, зарывая в илистый песок. Туда им и дорога.

Мы шли вдоль многочисленных витрин, террас ресторанов и цветочных ларьков. От запаха духов и мелькания пестрой одежды кружилась голова. Моего спутника, казалось, мало интересовала эта суета. Я же с интересом озирался по сторонам. Фонари, украшавшие набережную, излучали теплый свет. При взгляде на них тип только поморщился. На пирсе толпились люди, их загорелые лица казались счастливыми. Я заслушался мелодичным бренчанием гитары, занял столик в кафе. Отсюда хорошо был виден далекий маяк, луч которого прорезал темные воды. На горизонте застыла лодка с белым парусом.

Мое внимание привлекла девушка у ярко освещенной витрины. К моему удивлению она не разглядывала стекла бутиков, ее внимание захватило море. На ней было темно-зеленое платье. Такого же цвета были и ее глаза, настолько же задумчивые, насколько и печальные. Рыжие волосы украша-

ла модная шляпа с широкими полями, гладкая кожа казалась призрачно бледной в свете витрин. Заметив мой взгляд, девушка приветливо улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.

— Только для гостей заведения, — возник возле меня официант. — Ознакомьтесь с меню, — с ноткой презрения бросил он.

Нужно было что-то заказывать, зря занимать место мне никто не позволит. Я вздохнул, бегло пробежался по списку. Пересчитывая скудный запас кошелька, поймал ехидную улыбку Шофера. Все это время он предпочитал стоять, находясь в стороне и при этом будучи поблизости. Я вернул меню официанту и поднялся. Мельком взглянул на девушку. К ней подошел полный мужчина, курящий трубку. Она махнула рукой, отгоняя табачный дым. Господин носил идеально выглаженную рубашку, его роскошный костюм выглядел по-деловому, хотя он был на отдыхе. В глаза бросался наспех повязанный цветастый галстук. Я покачал головой, уходя прочь.

Я сидел, подперев голову, и задумчиво разглядывал потрескавшиеся булыжники. Время не пощадило даже самые крепкие камни. Разрушенная крепость на утесе выдержала все осады, однако по прошествии веков прочные стены обратились в пыль, а защитники умерли от старости. Я сидел на обрыве, бросал камни. В тишине они летели вниз и, глухо стукнувшись, навсегда замолкали, так и не заговорив. Я взглянул в пропасть. «Едва ли переживу такое падение», —

думал я.

– Не переживешь, – согласился Шофер. – Впрочем, если это и есть твое желание... – Он замолк, вопросительно глядя на меня.

– Нет, – перебил его я.

Я закрыл глаза, качнулся вперед, подумал, что лечу в пропасть, представил, как, не долетев до дна, расправляю за спиной крылья.

3. Осень

За тонированным окном автомобиля лил дождь. Осень окончательно вошла в свои права, и промозглый ветер был тому свидетель. Я откинулся в кресле, прислушиваясь к монотонному стуку. Пиджак, сшитый на заказ, давил в плечах. Я посмотрел на дорожную ткань, покачал головой.

– Куда едем? – безразлично произнес Шофер.

Солнечные очки он убрал в бардачок. Такси превратилось в автомобиль представительского класса, шашки исчезли вместе с облезающей желтой краской. Обычный номер сменился на элитный. В кармане пиджака зазвонил телефон. Вместо старой раскладушки в руке оказался новый смартфон.

– Да, слушаю, – произнес я.

– Алло, Семен, – услышал я знакомый голос. – Ну ты где, а? – возмутился он. – Полчаса тебя жду, у меня встреча ско-

ро, я же говорил.

Я вздохнул, по привычке посмотрел на руку, где раньше были часы.

– Задержался, скоро буду, – вздохнул я и нажал отбой. Выключил звук.

– Давай в ресторан, – назвал я адрес.

Тип хмыкнул, заводя машину. Я задумался, глядя на серые пейзажи небоскребов бизнес-центров, распространившихся по столице. Нахлынули воспоминания, замелькали сельские пейзажи, детство в деревне. Мы с другом не разлей вода сидим на крыльце, грызем яблоки и мечтаем о будущем. Он уверенно говорит, что хочет стать бизнесменом, а я молча слушаю. Не знаю, кем хочу быть.

Повидаться с другом детства хотелось давно. Был он человеком деловым. Встречу неоднократно откладывали и переносили. Долго не могли договориться о месте. В этот раз, урвав время на обеденный перерыв, давний товарищ позвонил мне. Обедал он исключительно в дорогих ресторанах, раньше такие были мне не по карману. Сторонник здорового образа жизни, по утрам он выбегал на пробежку, посещал спортзал и ратовал за правильное питание.

– Да это же ГМО, – негодовал он, – себя не жалеешь, хоть печень свою пожалей.

Я только кивал, уминая картошку фри, щедро сдобренную кетчупом.

– Постарел ты, Семен, – заметил он. Я посмотрел в окно,

дождь усилился и, кажется, не думал прекращаться. Шофер ждал в машине, тонированное стекло слегка приоткрыто. – Вон какие синяки под глазами, – продолжал товарищ, внимательно разглядывая мое лицо. – Что ни говори, а работа сводит с ума. – Он вздохнул.

– Сегодня в спортзал ходил, – устало ответил я.

– Правильно, – оживился он, отпивая из бокала. – Не надо недооценивать пользу спорта.

Я пожал плечами.

– Вот недавно курить бросил, – поделился я.

– Молодец, – одобрил друг.

– Чепуха, все равно нервы ни к черту, – я вновь взглянул на автомобиль.

Друг посмотрел на часы.

– Дела, жизнь идет, двигаться надо, – закатил глаза он. – Ну, Семен, бывай. Свидимся еще, – бросил он уже у выхода.

Я задумчиво посмотрел на свой бокал, сделал глоток и попросил счет.

Дождь не утихал. Закрываясь портфелем, я заторопился к машине. Дернув за ручку, понял, что дверь заперта. Шофер вальяжно развалился, слушая музыку. Меня он, казалось, не замечал. Я постучал по стеклу. Оно медленно поползло вниз. В лицо мне полетел зонтик.

– Ты извиняй, мне отъехать нужно, – заявил тип.

Забыв раскрыть зонт, я в недоумении смотрел на ехидное лицо Шофера.

– Ну да, – пожал плечами он, – ты мне не платишь, знаешь ли. – Он усмехнулся. – Прокатись на метро.

Я раскрыл зонт, отряхнул пиджак от капель.

– Ах да, – вспомнил он. – Ты теперь большой человек, вечером жди гостей.

Едва договорив, он резко газанул, срываясь с места. Я хотел вызвать такси, но передумал. Не спеша побрел в сторону метро. Давно не ездил общественным транспортом.

Я читал газету. Без особого интереса – чтобы заполнить пустоту уходящих часов. Время в метро шло странно. Я поморщился, раздражающий свист над ухом мешал сосредоточиться. Обернувшись, увидел, что открыта форточка. Холодный воздух проникал в вагон. Закрыв окно, я вернулся к чтению. Новости были невыносимо скучны. Переходящие из года в год пророчества о конце света давно стали обыденностью.

– Черт те что, – буркнул я и отбросил газету.

Уже выходя, заметил человека, который внимательно изучал меня. Выглядел он совсем просто, но я вдруг ощутил острую тоску по этой простоте. Он пристально посмотрел, словно собирался что-то сказать. Я обернулся, взглянул на мерцающую белым лампу и вышел из вагона.

Я поднимался, на ходу вытряхивая ключи. Ремонтник сидел на ступенях с початой бутылкой в руках.

– Там лифт работает, – констатировал он.

– Спасибо, я пешком, – ответил я.

– Как знаете, – буркнул тот, покачивая седой головой.

Меня ждала пустота квартиры. Несмотря на ремонт, мало что изменилось. Я прислушался, надеясь услышать хотя бы стук капель. Ничего. Кран больше не подтекал. Возникла давящая тишина.

Ближе к вечеру тишину нарушил звонок. Нетерпеливый, многократный звон. Я распахнул дверь. На пороге возникла брюнетка: темное платье, накинутый на плечи воротник из лисицы. В лицо ударил табачный дым, я закашлялся, собираясь закрыть дверь. Рука, украшенная кольцами, остановила меня.

– Кто вы? – безо всякого интереса спросил я.

Брюнетка рассмеялась.

– Дева-искусительница – называй как хочешь.

Я только кивнул.

Мы пили вино. В хорошей компании пьют чай, но мы пили вино. Еще один звонок в дверь, я не шелохнулся. Спустя время звонок повторился.

– Я открою, – сказала она.

– Не надо, – бросил я, отодвигая бокал.

Подошел к двери, немного подождал прежде, чем открыть. На пороге стоял старый товарищ. Я в удивлении протер глаза.

– Ты чего здесь? – спросил я.

– Да вот решил заскочить, сегодня так и не посидели толком, – пояснил он.

– Ты скоро? – раздался голос из глубины квартиры.

Я вздохнул.

– О, ты с девушкой, – весело проговорил друг. – Понял, удаляюсь.

Он махнул рукой, спускаясь по лестнице.

– Там лифт работает, – заметил ремонтник.

– Да я так, – усмехнулся товарищ. – Это тоже спорт.

Я закрыл дверь. Вернувшись, залпом осушил бокал.

– Вина достаточно, – сказал я. – Сходишь со мной в театр?

Брюнетка равнодушно пожала плечами.

4. Весна

Снег тает. Слезами он скатывается с косых крыш. Я сижу на крыльце, дышу морозным воздухом. Пришла весна, вьюга сменилась безветрием, лишь редкое карканье воронов мешает тишине. Холодное спокойствие вокруг – то же и на сердце.

– Отбегал ты своё, Семен, – произнес тип. – Сколько дорог прошел, сколько повидал, – он засмеялся.

Я вздохнул, закуривая трубку.

– Седина коснулась твоих волос, отрастил ты бороду, – продолжил он, – скоро и на покой.

Я по привычке взглянул на руку, где раньше были часы. Покачал головой. Говорить не хотелось.

Я смотрю на далекие вершины, снеговые шапки скатыва-

ются лавинами, если нарушить тишину. Я смотрю в небо, табачный дым струится, уходит, обращаясь в облака. Я бреду вдоль болот и полей, молчу, не желая нарушать безмолвие. Желаний все меньше, равно как и времени. Мгновения обращаются в часы, те уходят в года, чтобы исчезнуть в веках.

«К чему мне вечность?» – думаю я, глядя на величественные горы.

Я стою у их подножия, чувствуя себя песчинкой – лишь малой частью времени – бесконечного цикла. Я вижу автомобиль. Возле него, облокотившись о тонированное стекло, стоит Шофер. Я еще раз смотрю на недостижимые просторы, докуриваю трубку.

– «Мне скучно, бес», – едва слышно цитирую я. – Поехали отсюда.

Шофер ухмыляется, заводя мотор. Лавина с грохотом обрушивается. В снежной белизне я вижу бледное мерцание сломанной лампы. Под грязным стеклом мигают поврежденные светодиоды.

Словесник

– Он точно дома? – спросил я и приоткрыл дверь автомобиля.

На улице шумел ветер, по крыше ритмично барабанили дождевые капли. На последнем этаже старой пятиэтажки я заметил тускло горящий свет, само окно было неплотно занавешено шторами.

– Так точно, салага, – чуть погода отозвался капитан. Он сосредоточенно смотрел в бинокль.

– Вот ведь колдун! – восхитился я, разглядывая потемневшее небо. Дождь усиливался, ветер подхватил охапку листьев и облепил ими лобовое стекло. – Какой ливень устроил!

Капитан хмыкнул, не отрываясь от бинокля.

– Не говори ерунды, – буркнул он. – Не колдун, обычный шарлатан. А это, – капитан постучал по стеклу костяшками пальцев, – просто прихоти погоды.

Я пожал плечами и принялся заряжать пистолет. «Ага, не колдун», – подумал я. Тот, кого мы шли задерживать, в объявлении называл себя скромно – «Словесник» и утверждал, что умеет исполнять желания. Мы наблюдали за ним давно, но, чтобы сам он покинул квартиру, такого не случилось ни разу. К Словеснику же ходили самые разные личности. Были это солидные люди в деловых костюмах, были люди по-

проще, вроде студентов, обычных работяг и случайно зашедших алкашей. Однажды в домофон к Словеснику позвонила группа людей в кожаных куртках и солнцезащитных очках. С собой у них были биты, а у главаря – скрываемый в пальто автомат. Мы не могли вмешаться, рискуя провалить операцию. Несколько раз к нему приходили пары и даже целые семьи. Поначалу капитан считал Словесника простым мошенником, держащим притон, или торговцем, связавшимся с мафией. Но вот когда мы поняли, что из пришедших к творцу не возвращался никто, капитан забил тревогу.

«Да он же маньяк! – уверял он начальство. – Может, там склеп, а мы тут сидим, время тратим!»

Начальство разводило руками, велело продолжать наблюдение, обещая когда-нибудь выдать ордер на обыск. Вот тогда капитан решил взять дело в свои руки.

«Мы накроем мерзавца, салага! – говорил он с одержимостью. – Вот увидишь, еще премию за поимку опасного преступника получим».

Я лишь кивал, украдкой насмехаясь над этой затеей. «Награду за самоволку нам точно не выдадут», – подумал я, но все же согласился. Может, мне стало жаль старого капитана, или вспомнилось объявление об исполнении желаний, запавшее в память, и я все-таки решился пуститься в авантюру.

– Ну что, двинулись? – спросил капитан, проверяя кобуру.

Я кивнул, накинул капюшон и вышел из машины. Меня тут же окатило словно из ведра, и я заспешил к подъезду.

У входа меня опередил какой-то дед. Он застыл у двери и пробормотал что-то в домофон.

«Ага, — понял я. — Еще один».

Старик окинул нас подозрительным взглядом и скрылся в темноте подъезда. Затем он шагнул в лифт, и мы решили последовать за ним. Некоторое время ехали молча, наблюдая друг за другом. Капитан выглядел расслабленным. Готов поспорить, он уже видел у себя на груди медаль. Я не был настолько оптимистичен и не спускал с деда глаз.

— К Словеснику? — уточнил я.

— Угу, — коротко ответил дед, с опаской косясь на пистолет.

— Он и вправду исполняет желания? — с усмешкой поинтересовался я. Старик сделал вид будто не расслышал и лишь потупил глаза. — В очередь, — бросил я. Тот насупился, взглянул на меня с вызовом.

— Словесник больше не работает, — предупредил капитан. — Все, закрылась контора. — Он кивнул мне, указывая на номер нужного этажа.

— Как так? — изумился дед. — Мы ведь почти договорились! — Он вздрогнул, вдруг засуетился, желая поскорее покинуть лифт.

Двери открылись, я сделал шаг, заслоняя выход.

— Договорились о чем? — спросил я, надеясь узнать больше.

— Все пропало! Finita la comedia! — с тоской воскликнул

дед и, проворно оттолкнув меня, юркнул к лестнице и засеменил вниз.

– Оставь его, – буркнул капитан и махнул, зовя за собой. – Сами сейчас спросим.

Выставив пистолет перед собой, он осмотрел лестничную клетку и остановился у квартиры с нужным номером. Дверь оказалась приоткрыта.

– Стучаться не будем, – произнес капитан, ступая вглубь помещения.

Мы нерешительно замерли в коридоре, услышав голоса. На кухне горел свет. Прижавшись к стене и не выпуская пистолета из рук, я заглянул за угол. За столом расположились двое. Спинай ко мне, вальяжно развалившись в кресле, сидел человек со смуглой кожей. Он был одет в костюм, на голове тюрбан, рядом на полу кейс. Еще двое, видимо телохранители, стояли по обе стороны от стола. Напротив, согнувшись над листом бумаги, сидел Словесник. Я сразу понял, что это он. Бритый наголо, с седой бородой, босой и в домашнем халате с узорами, он был похож на джинна из сказки. Словесник кивал, слушая, задумчиво водил по пергаменту пером, изредка макая его в стоящую рядом чернильницу.

– Смотри, – зашептал мне на ухо капитан. – Сейчас повернут сделку.

Я кивнул, прислушиваясь.

– Не хочу я становиться принцем, – с акцентом произнес мужчина в костюме. – Зачем мне это, ведь я уже шейх! – он

всплеснул руками, на мгновение задумался и продолжил: – Я всегда мечтал выиграть в казино... Сколько денег потратил, а ни разу не удалось. Не везет и все тут! – произнес он, ослабляя петлю галстука.

Словесник оторвался от бумаги, с надеждой взглянул на своего собеседника.

– А освободить меня ты не хочешь? – устало произнес он. Его голос был таким тихим, словно дуновение ветра.

– Не хочу, – уверенно ответил шейх. – Хочу посиделки за игральным столом!

– Будь по-твоему, – Словесник вздохнул. – Представь, – произнес он с интонацией, точно собирался рассказать историю, – ты сидишь за столом с зеленым сукном, отовсюду доносятся трели игровых автоматов, перекликающиеся с возгорженными возгласами толпы...

Человек в костюме смотрел на Словесника, покачиваясь из стороны в сторону, затаив дыхание, слушал каждое слово и впадал в транс. Я поймал себя на мысли, что тоже начинаю покачиваться в такт голоса Словесника.

– Не скупясь, ты делаешь ставку, надеясь на щедрый куш, – продолжал он. – Ты слышишь звон монет, и они будут сыпаться, покуда ты не скажешь: «Хватит!»

Прерывая собственные слова, Словесник хлопнул в ладоши. Шейх вздрогнул, приходя в себя, и вдруг исчез. Его телохранители в недоумении переглянулись и тоже исчезли.

– Ни с места! – выкрикнул капитан, выскакивая из-за уг-

ла. – Ты арестован за похищение!

Словесник скомкал бумагу и выкинул в мусорное ведро. Не обращая внимания на направленный на него пистолет, он спокойно спросил:

– Что вам угодно, офицеры?

Капитан хмыкнул, взглянул за шумящий за окном дождь.

– Хотел бы я оказаться там, где тепло и светит солнце, – ехидно произнес он. – Вот только устроить этого ты не можешь. Пакуй его, салага! – крикнул капитан, бросая мне наручники.

– Ну почему же, – возразил Словесник, доставая новый листок бумаги.

Он взглянул на капитана и, едва заметно улыбнувшись, хлопнул в ладоши, на моих глазах проделав тот же фокус. Капитан исчез. Времени разбираться не было. Я подскочил к Словеснику, опрокинул чернила ему на халат. Щелкнул замок наручников.

– Чего ты хочешь? – спросил Словесник, разглядывая запястья. – Я напишу, ты только скажи.

– Арестовать тебя, – хладнокровно ответил я. – Ты похищаешь людей, уводя их в мир иллюзий!

– Раз так, – насмешливо произнес он, – я придумаю историю. – Он внимательно посмотрел на меня. – Историю лично для тебя, – он задумался. – Там ты будешь искать меня, сколько душе угодно. – Кончиком пера он ткнул меня в грудь. Я отшатнулся, чувствуя, как тону в чернилах...

– Он точно дома? – спросил я и приоткрыл дверь автомобиля.

На улице шумел ветер, по крыше ритмично барабанили дождевые капли. На последнем этаже старой пятиэтажки я заметил тускло горящий свет, само окно было неплотно занавешено шторами.

Вломиться в дом

Щелкнул замок, и дверь распахнулась. Споткнувшись о порог, я шумно ввалился внутрь. «Проще было разбить окно, – раздраженно подумал я, отряхиваясь. – Получилось бы тише». Подготовился я плохо, а в голове гудело от выпитого. Я уже пожалел, что ввязался в эту авантюру, но отступить было поздно.

Прислушавшись, я аккуратно прикрыл за собой дверь. В зале было темно, лунный свет тускло проникал сквозь мутное стекло. Я провел пальцем по витражным узорам, смахнув слой пыли. Включил фонарь. Послышался шорох. Вздвогнув, я запрокинул голову, несколько мгновений сверлил взглядом хрустальную люстру. За нее уцепилось крылатое существо. Оно монотонно покачивалось, играя украшениями. Звук хрустальных побрякушек действовал мне на нервы. «Лети отсюда», – злобно шикнул я, замахав руками. Летучая мышь невнятно пискнула, взмахнула крыльями и скрылась в глубине дома.

На второй этаж вела небольшая лестница. Ступени были устланы ковром. Посветив фонарем, я разглядел, что кое-где он был прожжен. Мне захотелось курить. В углу я заметил комод. На нем стояла ваза с засохшими цветами и зеркало, к которому была прикреплена выцветшая фотография. Присмотревшись, я увидел пару в свадебных нарядах. В недо-

умении замер – на мгновение их лица показались мне знакомыми.

Отложив фонарь в сторону, я, не церемонясь, начал выдвигать ящики. Среди бумаг и писем нашел несколько скомканных банкнот и портсигар. На его металлической крышке виднелись стертые инициалы. Открыв его, я достал одну сигарету, щелкнул зажигалкой и карикатурно закурил. Посмотрев в зеркало, поднял воротник куртки. Свет фонаря освещал лицо словно прожектор на сцене.

«Сэр, – кривляясь, произнес я, – иду грабить ваш дом». Я негромко рассмеялся. Выпустив клуб дыма в лицо отражению, бросил окурок на пол, примял его ботинком. Закинул портсигар в карман.

Зеркало со звоном рухнуло к моим ногам. Я выругался и метнулся к входной двери. Понял, что забыл фонарь, и в нерешительности замер. Фонарь упал на пол и, замигав, покатился ко мне. Я опустился на колено, поспешно поднял его и выключил. Затаив дыхание, следил за лестницей. В голове возникли воспоминания.

...Тихо играла музыка. В пабе было немногочленно, наша компания понемногу разбрелась, и из посетителей остались только я и мой друг. Бармен скучал за стойкой, изредка косился на включенный без звука телевизор.

– Еще пива! – бросил друг, протягивая ему кружку.

– И мне, – добавил я, передавая смятые купюры. Зевнул,

глядя в окно. На безлюдной улице слабо светили фонари. — По последней и пойду.

— Наш Джонни совсем не рискует! — Друг похлопал меня по плечу. — Свадьба сделает тебя тюфяком.

— Как тебя? — усмехнулся я, забирая у бармена кружки.

Друг на мгновение покраснел.

— Я рискую, когда не плачу налоги, — возразил он. Сделал глоток, задумчиво почесал затылок. — Женитьба — вещь хорошая, — философски изрек он, — но в свое время.

Я покачал головой.

— Это мое решение, — серьезно ответил я. — С меня достаточно, выбираю спокойную жизнь.

— И все же напоследок стоит сделать что-нибудь рискованное. Что-то запоминающееся, — попытался он подобрать слова. — Чтобы адреналин в крови! — Друг потянулся и хрустнул пальцами.

— Ограбьте банк! — хохотнул бармен, не отрываясь от телевизора.

— Точно! — воскликнул друг, — или бар. — Он беззаботно рассмеялся, бармен посмотрел с угрозой.

Я отпил из кружки, и в пьяную голову ударила мысль...

Несколько долгих мгновений я сидел у витражного окна, ожидая услышать приближающиеся шаги. По-прежнему все было тихо. Я с облегчением выдохнул, унимая дрожь в коленях. Оглядевшись по сторонам, усмехнулся, осознавая свою

глупость. Пыль, осевшая на оконных стеклах, полотна ткани, укрывавшие мебель – все говорило о том, что в доме никто не живет. Я включил фонарь и уверенно направился к лестнице на второй этаж. Осколки зеркала хрустнули под ногами. Не обращая внимания, я начал подниматься.

Вдруг тишину нарушил голос:

– Чувствуй себя как дома, Джонни!

Раздался смех.

Я едва не скатился по ступеням, пальцы вцепились в ветхие перила, и те опасно закрипели. Сердце забилося сильнее. «Сделать что-то рискованное», – пробормотал я, трезвея.

На втором этаже я остановился у приоткрытой двери, от которой исходило призрачное сияние.

– Проклятье, Джонни! – рявкнул голос. – Ты злоупотребляешь гостеприимством! – Раздался выстрел.

Я резко распахнул дверь. В комнате шумел телевизор, шел какой-то черно-белый фильм. Герой упал на пол, держась за окровавленное горло. Раздался еще один выстрел.

В центре комнаты я увидел покачивающееся кресло-качалку. Телевизор бормотал что-то невнятное. Не обращая на него внимания, я принялся рыться на полках.

– Пришел нарушить мою спокойную жизнь? – услышал я. – Не позволю тебе этого сделать.

Послышался щелчок затвора. Я в недоумении обернулся. В кресле сидел человек с карабином в руках и не спускал с

меня глаз. Я посветил на него фонарем, он скривился и направил оружие на меня. Я медленно поднял руки и выронил фонарь. Свет погас.

Не раздумывая, я бросился на противника. Опрокинув кресло, мы повалились на пол. Карабин отлетел в сторону. Человек заломил мне руку, раздался хруст. Из последних сил я достал портсигар из кармана и с размаху ударил его по голове. Человек вздрогнул и осел на пол. Тяжело дыша, я поднялся, вернул кресло на место и, обессилив, рухнул в него. В руке я все еще сжимал окровавленный портсигар. На потертом металле медленно проступали буквы моего имени.

– Теперь это твой дом, – насмешливо прохрипел человек.

Я отчетливо услышал щелчок замка и скрип двери на первом этаже. От луча фонаря по стенам заплясали тени...

– Эй, я не буду тебя тащить, – сказал друг, пытаюсь меня растормошить. Я с трудом оторвал голову от стола, рука затекла. – Засиделись мы что-то, – устало произнес он.

Я молча отодвинул кружку, полез в карман, ища кошелек. Пальцы ощутили металл портсигара. Я в недоумении посмотрел на бармена. Тот пожал плечами и выключил телевизор.

Хроника зла

– Скажи мне, смертный, что я делаю не так? – разочарованно спросил он.

Я оглядел стены подземелья, затем оценивающе посмотрел на собеседника. Сидит передо мной мрачный, в мешковатом балахоне, мода на которые прошла еще в средние века. Капюшон надвинут так, что лицо едва видно. Готов поспорить, что глаза подведены, будто не спал неделю, а кожа бледнее луны. Я перевел взгляд на череп, украшавший посох. Он съехал набок, челюсть отвисла в безмолвном вопле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.